

Пещера

Щенок оглянулся на меня и со смешным тьяканьем, которое казалось ему грозным лаем, забежал в пещеру.

– Рико, Рико! – позвал я маленького друга, но тот и не подумал возвращаться.

Я даже перестал слышать лай и перестук твердых коготков о каменный пол пещеры.

Я заставил себя сделать несколько шагов. Ледяной ветер пронзил меня насквозь, казалось даже кости сковало холодом. Я с удивлением оглянулся – царил штиль, листья на деревьях даже не трепетали, а летнее полуденное солнце продолжало нещадно напекать макушку.

Этот яркий жаркий свет дал мне силы сделать еще два шага. В тени каменного свода лежал мой любимый щенок, взбалмошный лучший друг. Отец подарил мне Рико два месяца назад на день рождения, и это был лучший подарок за всю жизнь.

Его бок мягко вздымался – Рико спал. Я улыбнулся, пораженный способностью моментально засыпать. Еще я улыбнулся от облегчения – мне не хотелось заходить в холодную пещеру, бродить во тьме и искать непослушного щенка.

Я хотел позвать четвероногого громче, но имя так и не сорвалось с губ. Солнце на секунду скрылось за облаком, и бок щенка перестал даже дрожать.

Рико умер.

Не помню, кричал я или нет, но знаю точно, я побежал прочь, подгоняемый первобытным ужасом, словно парусный корабль от злого шквала.

...С тех пор прошло пять лет, и я ни разу не подходил к той пещере. Память о Рико если и не изгладилась, то услужливо покрылась плотной

пеленой. Сперва я мечтал сбежать из нашего тихого городка, окруженного на сотни километров живой пустотой, но тогда я был одиннадцатилетним ребенком и обстоятельства заставили привыкнуть к ночным кошмарам.

С Кэт мы встречались год и недавно ей исполнилось семнадцать. Считая себя гораздо взрослее, она взяла инициативу в наших отношениях: я был не против, а моей любимой это нравилось. Иногда она меня глупо дразнила, что мне всего лишь шестнадцать, но я не обращал внимания. Мы часто уходили за город, бродили по рощам, сидели на поваленных толстых бревнах, слушали чириканье птиц и целовались. Целовались долго, бесконечно долго, и каждый раз нам было мало.

Но от всего в конце концов устаешь. Даже от рощ, полных поцелуев. Когда от каждого прикосновения губ уже не чувствуешь дрожи, и сердце не замирает, понимаешь, нужно что-то новое. Наше счастье – мы почувствовали это одновременно.

– Я нашла отличное местечко, – улыбнулась Кэт и взяла меня за руку.

Я не стал задавать вопрос, когда и с кем она успела это сделать, ведь сегодня нас ждало развлечение поинтересней поцелуев.

Когда я увидел вход в ту пещеру, я застыл на месте, чем вызвал смех Кэт.

Я вспомнил Рико, вернулся подернутый дымкой времени страх, но желание было сильнее, и я поддался Кэт. Пещера далеко от города – здесь нас точно не застукают – и можно сделать все свои счастливые, почему-то запрещенные дела.

Кэт, шагая назад, потянула меня в пещеру. Я смотрел то в ее искрящиеся глаза, то на часто вздымающуюся грудь под полупрозрачной маечкой, то на смешной, закрученный крошечной спиралькой пупок.

Моя рука на миг оказалась под сводом, и мне показалось, что меня тащит мертвец: холодный, злобный, отчаянно ненавидевший живых. Так и было. Глаза Кэт уже закатились, она погружалась в сон. Я стал вырываться, по моей руке, словно стрела из льда, к сердцу летел пульсирующий холод.

Я отшатнулся, а она упала, спящая.

– Кэт! – прокричал я, а может слабо прошептал. Мир сузился до входа в пещеру и лежащей на каменном полу девушки.

Я зачерпнул ком земли и швырнул в Кэт. Комья ударились об ее гладкую кожу, один угодил в веко, но девушка не проснулась.

Я словно бросил горсть на ее могилу.

Кэт умерла.

Рука не давала мне покоя. Я смотрел на нее и видел под сгнившей плотью пожелтевшую от древности кость. Рука напоминала мне о пещере и о любимой Кэт с извечно насмешливым взглядом. Каждый день, как наяву, я видел ее закрывающиеся глаза и преображающуюся сущность. Пещера усыпляла своих жертв и высасывала из них души, но со мной ей нравилось играть, словно кошке с живой мышкой. Напуганным, несчастным, но живым.

Вряд ли бы мне поверили, если б я сказал, что пещера убила Кэт. Я рассказал, где мы гуляли, соврал, что Кэт отошла и не вернулась. Ее искали в лесу, несколько человек сказали, что заходили глубоко в пещеру, но от Кэт не осталось даже волоска. Пещера поглотила ее. На завтрак у нее был щенок Рико, на обед – моя девушка, а на ужин, я чувствовал, пещера хочет меня.

Я знал, что для преодоления страха нужно не бежать от него, а изучить, понять. Но от одной мысли о пещере меня подташнивало, а рука начинала истончать гнилостный запах. Другие тинэйджеры не давали мне покоя, дразнили, кто-то даже говорил, что я изнасиловал и убил Кэт. Я перешел на домашнее обучение, но психиатр приходил к нам все равно чаще учителя.

Неделя шла за неделей, темные волосы росли вперемешку с седыми. Под глазами не проходили темные круги. Я не мог смотреть на руку – мне сразу становилось страшно. Я видел как тление медленно ползет к локтю, словно неторопливый червяк, который не спеша насыщается моей плотью. Жить дальше было невозможно. И я принял решение.

Я поспорил с парнем, которого ненавидел, что он умрет, когда зайдет в пещеру. Я рассказал ему, что именно она убила Кэт. Мы отправились туда вчетвером, свидетелями захотели быть два его друга.

Дыхание перехватило, когда я только издалека увидел пещеру, но я не подал виду, продолжая приближаться к страшному месту. Лоб мой покрыла испарина, по спине то тек липкий пот, то плетью хлестал озноб.

Ублюдок спокойно вошел в пещеру и простоял там целую минуту. Затем вместе с друзьями заржал и вышел, как ни в чем не бывало, наружу. В его смехе я услышал дьявольское веселье самой пещеры. Она пренебрегла сытным полдником ради меня. Ради того, чтобы я оказался в компании Рико и Кэт. Словно сквозь завесу я расслышал слова:

– Теперь твоя очередь.

Я развернулся и побежал прочь. В этот день я отрубил наводившую на меня ужас руку. По локоть.

Без руки жить стало легче. Но ненадолго. Через месяц я снова стал видеть призрачную разложившуюся руку, последний взгляд Кэт и мирно спящего щенка Рико, который в следующую секунду умирал. Пещера звала меня, манила, умоляла прийти. Она мечтала обо мне все эти годы, желая попробовать на вкус не только мою руку, но душу и сердце.

Месяц хорошего состояния немного усыпил внимание родителей. Увидев улучшение, они стали забирать меня из психиатрической больницы на выходные. Они скучали, и это меня погубило. В то воскресенье я смог ускользнуть и вновь отправился к пещере. Я чувствовал, что иду на бой. Или она, или я. По-другому быть не могло.

Не знаю, сколько я стоял на пороге пещеры. Минуту, час, день, вечность...

Я сделал шаг и с удивлением увидел, что у меня две здоровых руки. Навстречу мне, с радостным оформившимся лаем, бежал подросший Рико. Кэт смотрела на меня с улыбкой и вожделением.

В глубине пещеры вихрились тени, клубились осязаемые страсти, сражались надежды и страхи. Кэт, как когда-то давно, потянула меня за руку, и я не стал сопротивляться.

Я падал в черный обволакивающий омут, но тут меня встряхнул укус Рико – щенок требовал внимания и, похоже, был разозлен, что я бросил его на эти долгие годы.

Внезапно стало холодно, легкие болезненно сжались от нехватки воздуха, и я, черпая энергию из ужаса, неровными шагами побрел к выходу. Но пещера собрала все силы и, беззвучно крича сотнями голосов, сжигая леденящим холодом и втягивая мои ноги в мягкий гранитный пол не пустила меня наружу – я остался в ее ледяных объятиях.